

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988

Часть I

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

крайне медленно. По сути радикальное решение проблемы дискриминации японских париев еще остается актуальной и сложной проблемой общества и борьба за него продолжается.

Явление дискриминации различных меньшинств (расовых, национальных или религиозных) характерно для общественной жизни многих стран мира. В разных государствах оно имеет свою специфику, определяемую особенностями исторической судьбы и эволюции самого явления, свои формы воплощения. Своеобразными методами и путями развивается борьба за решение проблем дискриминации, неодинаковы и результаты ее (например, в США, ЮАР, в северной Ирландии и т.д.). Но несмотря на существенные различия, для феномена дискриминации характерна и определенная социально-политическая и идейно-психологическая общность, единые корни и схожесть. Поэтому опыт каждой страны в борьбе за решение проблем сегрегации, причем, как положительный, так и отрицательный, имеет существенное международное значение, большую научную и общественную ценность. Это полностью относится, естественно, и к опыту Японии в данной сфере. Он, несомненно, важен и поучителен, особенно в наши дни, когда решение проблем дискриминации, взаимоотношений, различных расовых, национальных и религиозных групп населения становится все более актуальной социально-политической и гуманитарной задачей для многих стран мира.

В.И.Шеремет

ТУРЕЦКИЙ ВОПРОС В 1850-х ГОДАХ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

События, связанные с обострением русско-турецких отношений и последовавшей в 1853-1856 гг. Восточной (Крымской) войной всколыхнули общественное мнение России. Известно положение Ф.Энгельса о том, что под влиянием разгрома в 1856 г. самодержавно-крепостнической монархии в России начался общественный подъем.¹ Остается, однако, слабо освещенным вопрос об отношении русской общественности к проблеме турецких реформ (Танзимат), к русско-турецким отношениям как к составной части Восточного вопроса.

Острый кризис в отношениях с Турцией в 1853 г., внешне весьма благоприятно развивавшихся после Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 г. и отмеченных военным сотрудничеством в 1848-1849 гг., был достаточно неожиданным для русской общественности. В России привыкли думать и говорить о неудачах турецких танзиматоров, о неуверенности политики Порты. Жесткий тон, уверенная мотивация

позиции турецких памфлетистов, не только на равных соизничавших с П.А.Чихачевым, К.М.Базили, Л.О.Тенгоборским в 1850-1853 гг. на страницах европейской периодики, но и весьма успешно привлекавших симпатии европейской общественности к обновленной Турции, вызвал в русской печати вначале растерянность, затем разброд оценок и лишь в отдельных случаях стремление разобраться, что же собственно происходит.² В условиях достаточно распространенного под воздействием реакционного панславизма и официозных маршей "Москвитянина" сочувственного в массе своей отношения в России к войне с турками, уже в самом начале ее формировалось у части русского общества мнение, что не "турок" - подлинный противник России. По словам современного публициста Д.П.Мордовцева, "появлялось кроме того ощущение, как многого России недостает, чтобы торжествовать над всеми".³ Столкновение с Турцией поставило перед думающей Россией вопрос, насколько глубоко оказались реформы у южного соседа, которого почитали лениво дремлющим с кальяном, а тот оказался бодрым и со скорострельным штуцером в руке.

"В начале войны, - писал осенью 1856 г. видный критик николаевской рутины П.А.Грановский, - за исключением немногих благомыслящих, все шло смело, без рассуждений, хотя и без патриотического воодушевления за правительством. Мы так были уверены в своей силе, что все дело принимали почти за шутку ... Оказалось - турок не шутит ... Трудно приходится нам в неравной борьбе...".⁴ Заметим, что признание сделано после первых успехов регулярной модернизированной турецкой армии, за полгода до англо-турецко-французского военного договора против России.

Турецкий вопрос в его дипломатическом и военно-политическом аспектах послужил своеобразным индикатором уровня оппозиционности к царизму в различных и по разному его критиковавших кругах русского общества. Осмысление во многом ошибочности прежних представлений о реформах в Турции содействовало эволюции взглядов либеральных критиков царизма. Коснемся некоторых из них. Славянофилы 1940-50-х гг. А.С.Хомяков, С.Т. и К.С.Аксаковы, Ф.И.Тютчев, А.П.Блудова и др. полагали русскую и шире - славянскую, находившуюся в пределах Османской империи общину идеалом общественного развития и средством противодействия капитализму в России, на Ближнем Востоке и на Балканах. Обострение Восточного вопроса, включая конфликт с Турцией, воспринималось ими через перспективу всеславянского движения патриархальных общинников - славян под эгидой "царя-батюшки" против западного капитализма, прежде всего в лице Австрии (!) и восточного деспотизма с "западными подпорками" - Высокой Порты.⁵ Един-

ственное решение турецкого вопроса, которое они видели накануне и в начале кризиса 50-х гг., состояло в сокрушении Турции, становившейся, на их взгляд, оплотом капиталистического Запада, в овладении Стамбулом (Константинополем) и в создании некоего "славянско-го единения".⁶

Наиболее дальновидные из славянофилов увидели, что за столкновением с турками неизбежно последует война с европейскими державами (ожидали - с Австрией и Англией).⁷ Однако и они (А.С.Хомяков, А.Д.Попов) упорствовали в идее "святой войны" (далеко ли уходя от "священной войны" - джихада, за которую ратовали в Стамбуле), не видели катастрофы для царизма в столкновении с союзом капиталистических держав и реформированной ими Турцией. Славянофилы неправомерно преувеличивали готовность царизма "спасать славян - единоверцев" и лишь давали повод турецким памфлетистам на страницах прессы Англии, Франции, Бельгии сообщать о захватнических настроениях в русском обществе (Подробнее о турецком общественном мнении 1853-1856 гг. см. в след. выпуске "Письменных памятников").

Вероятно, из этих кругов только Ф.И.Тютчев, профессионально изучавший Восточный вопрос, уже осенью 1853 г. сумел понять, что перед Россией главный противник не Турция как трубил официоз, а западные державы, использовавшие Турцию. Идеалистически понимая причины обострения турецкого вопроса в 1850-х гг. как конфликт между славянством и православием с безбожием и революцией, которая, по его мнению, захватила уже и Стамбул, Ф.И.Тютчев, скорее как опытный дипломат, чем вдохновенный поэт, пришел к выводу одним из первых в России, о столкновении отживших феодальных устоев России с революцией, идущей с Запада, в качестве главного содержания событий первой половины 1850-х гг. и войны с Турцией.⁸

Под влиянием тяжелой войны с турками и их союзниками наиболее трезво настроенные славянофилы переходили от утопических планов "благоустройства" славянских подданных Порты к реалистичной критике внутреннего положения в России, к обличению самодержавия.

В России 50-х годов, когда по словам П.А.Грановского, "голос имеет одно правительство, да тупые или немые патриоты, зовущие турка побить", война с Турцией заставила взглянуть более критически на всю внутреннюю и внешнюю политику Николая I даже такого верно-го адепта царизма, как М.П.Погодин. Начав с одобрения Крымской войны, в которой он видел борьбу с турецким варварством, М.П.Погодин по мере развития событий начал все более задумываться, почему "варвары-турки" лучше вооружены и обучены, почему народы Европы видят в самодержавной русской политике "главнейшее препятствие их развитию и преуспеванию".

Исследователь истории русского панславизма У.Пихт (ФРГ) в обстоятельной монографии о Погодине акцентирует крайнюю националистичность публикаций Погодина в 1853–1856 гг., убеждает читателя, что они статично следуют задачам царской дипломатии в решении того, что У.Пихт называет "славянский вопрос". Тем самым снимается всякое развитие во взглядах Погодина и славянофилов вообще, происходившее под влиянием войны с Турцией и державами и краха николаевской системы.⁹ Известно, что в конце 1954 – начале 1855 гг. при сокращении внешнеполитических высказываний М.П.Погодин в ряде статей и в выступлениях по внутренним проблемам ратовал за развитие просвещения и организацию специального образования в гражданской и военной сфере, за промышленное развитие и совершенствование путей сообщения, высказывая новые для него идеи в рамках буржуазной реформаторской направленности. Учитывал он и определенный успех преобразований эпохи Танзимата.¹⁰

В конце 1840-х годов Погодин призывал сколачивать "славный союзец" миллионов славян под сенью самодержавия. Турецкий вопрос тогда заключался для него прежде всего в освобождении от османского ига всех славян. За это он деятельно ратовал, опираясь на личные связи с представителями общественности балканских народностей. Кризисное развитие русско-турецких отношений в 1852–1854 гг. воспринималось им как близкое крушение двух главных угнетателей славян – Турции и Австрии.

Однако не произошло ни "всеобщего воодушевления славян", ни увенчания российской монархии. Россия терпела поражение, а подданные Османской империи с нетерпением ожидали окончания войны и осуществления обещанных Портой реформ. С конца 1854 г. все реже звучат "общеславянские беседы" Погодина, он не прогнозирует судьбу Турции, а все более говорит о русской действительности. Хотя в его призывах звучит скорее страх перед революцией, которая от его "возлюбленных славян" может перекинуться на Россию, а не осознание перспектив освободительных движений балканских подданных Порты, и отчетливо видно стремление уберечь устои самодержавия, влияние Погодина на губернскую публику было велико и любое его сомнение было в пользу критических программ.

Тенденция обратиться к внутреннему "неустройству России" в период войны с Турцией прослеживается в письмах других славянофилов в 1854–1856 гг. См., например, переписку А.С.Хомякова и А.Н.Языкова об исключительной важности проблемы крепостничества по сравнению с "цареградским вопросом".¹¹

Обострение отношений с Турцией было использовано так же группой либералов-западников для осуждения с буржуазных позиций внутренней и внешней политики царизма. Своего рода программным документом западников явилась статья Б.Н.Чичерина по Восточному вопросу, в которой с наибольшей полнотой отразились и политическая изоляция царизма, и оторванность его от народа, и крайняя отсталость царизма в экономическом отношении, даже по сравнению с Турцией.¹²

В среде западников весомо прозвучал и голос Грановского, который первым из современников в России, заявил, что война России с Турцией - это война с реформами. Западные державы всячески поддерживали турецкое реформаторство, а Россия, по Грановскому, - старотурецкий уклад. "У нас самих, - с горечью предвидя поражение писал он, - все общественное устройство основано на тех же началах", /что и в Турции - авт./.¹³ Патриот России Грановский объективно видел, что Турция находится в подчиненном положении в рамках военного союза с державами. Вероятно, единственный из общественных деятелей России этих лет, Грановский заинтересованно отметил, что для Турции "война вредна", а перспектива остаться независимой от могущественных военных союзников России и Франции весьма слаба. "Турция неминуемо должна совершенно внутренне преобразоваться или пасть", - писал он.¹⁴ Поскольку ее сохранение больше отвечает интересам России, чем усиление других держав за ее счет, то продолжение реформ в послевоенной Турции и сближение с ней России отвечало бы, по мнению Грановского российским видам на Ближнем Востоке.

И Грановский и Чичерин на примере крупных просчетов царской политики в отношениях с Турцией показали, что "произвольность и нелепость" действий царизма в делах собственной страны, переносилась на внешнюю политику, тогда как действия другой стороны объективно не оценивались. Однако разоблачительные мотивы в их характеристике турецкой политики Николая I были больше полемикой со славянофильством, чем с царизмом; фальшивому и несвоевременному лозунгу славянофилов о крестовом походе рыцарей христианства против угнетателей - турок", Б.Н.Чичерин противопоставлял гибкую политику продвижения на Ближний Восток с учетом всех факторов международных отношений в Европе и особенно позиции Англии. Одним из первых отечественных историков Б.Н.Чичерин указал на связь внутренней и внешней политики на Востоке, на необходимость "материальными средствами", экономическими преобразованиями обеспечить активную восточную политику России, прежде всего в отношении Османской Турции.

В заключение уместно привести несколько оценок турецкого вопроса русскими революционными демократами. Н.Г.Чернышевский возла-

гал ответственность за обострение Восточного вопроса и отношений с Турцией в начале 50-х годов прежде всего на правительство Наполеона III, которое нарушило "тишину в Европе, чтобы отвлечь внимание Франции от внутренних постыдных дел шумом иностранной политики". Н.Г.Чернышевский упрекал в разжигании кризиса также российских "трактирных бреттеров", маниловых, собакевичей, чичиковых, одицетворявших царскую Россию этого периода".¹⁵ Хорошо известна материалистическая характеристика враждебности английских фабрикантов и промышленников США, положенная Н.Г.Чернышевским в основу его анализа гражданской войны в США. Однако позиция Англии в начале 50-х годов и принципиальное значение англо-русского соперничества в проливах, в Галаце и Трапезунде трактуются Н.Г.Чернышевским как второстепенные по сравнению с тщеславными хитросплетениями кучки европейских дипломатов и амбициозных распрей двух деспотических монархий - России и Турции.¹⁶ У Чернышевского встречались фритредерские иллюзии, близкие к идеям Кобдена и Брайта об исключительно торговых интересах России в проливах и неизменном ее стремлении к сохранению мира с Турцией при полной ненужности для России проливов.

Вместе с тем, оценки Чернышевского, сделанные им в полемической форме разбора фундаментального труда английского участника событий под Севастополем А.У.Кинглейка о Крымской войне, имели важное значение для последующего формирования русского общественного мнения. Именно Н.Г.Чернышевский разоблачил славянофильскую проповедь "всеславянского братства" под сенью русского царя, но в отличие от либералов-западников он указывал, что царизм, "освобождающий славян", принесет им лишь иную форму угнетения. Многие, даже радикально настроенные современники второй половины 50-х - начала 60-х годов, считали турецкую проблему обременительной для русской дипломатии, склонялись к восстановлению влияния России в Стамбуле силой оружия. Н.Г.Чернышевский не только оценивал возможность позитивного решения Восточного вопроса и конфликта с Турцией, что нередко вовсе отрицалось, но намечал реальный для этого путь: создание федерации демократических национальных государств на месте деспотических режимов, таких как Австрия, Турция и, конечно, Россия. Н.Г.Чернышевский единственный из общественных деятелей того времени, призывал отделить отношение к Османской империи как деспотическому государству от отношения к турецкому народу, носителю ряда положительных черт, рядом с которым, по его словам, было бы "легко уживаться славянам". Единственное препятствие для этого - русский царь и турецкий султан, мешающие подлинной свободе русско-

го и турецкого народов их равноправию на основе дружбы. Понимание революционного пути решения Восточного вопроса сближало взгляды Чернышевского с позицией Маркса-Энгельса.

Обстоятельства крайнего обострения кризиса самодержавия в новой фазе конфликта с Турцией оказали мощное воздействие и на формирование взглядов молодого Н.А.Добролюбова. Особенно важно, что в 1854-1856 гг., когда в войну с Россией оказались втянутыми 10-12 народностей Европы и Азии, Н.А.Добролюбов приближался к убеждению, отмеченному у Чернышевского, что подлинный мир между народами и их сближение возможно только на путях революционного обновления народов. При этом Россия, избавившаяся от внутренних угнетателей, первая вошла бы в братство с другими народами, возможно, Турция была бы в числе первых.¹⁷

Волею своей судьбы в период всего развития Восточной (Крымской) войны представителем прогрессивной русской общественности на Западе был А.И.Герцен. Его взгляды времен Крымской войны, связи с либеральной критикой, публицистическая деятельность уже рассматривались, однако его полемика с турецкими памфлетистами в Бельгии должна быть нами раскрыта отдельно.

Сейчас важно было бы сообщить следующее. Турецкий вопрос и отношения с Портой воспринимались А.И.Герценом не столько как международные проблемы, что было характерно для его современников, сколько как проявление predetermined судьбами исторического развития столкновения славянскообщинной России с буржуазным Западом. В конце 40-х годов с позиций, названных К.Марксом и Ф.Энгельсом демократическим панславизмом, А.И.Герцен развивал идею о неизбежной войне между Россией и Турцией, которая положила бы конец угнетению славян султаном и самодержавию в России. А.И.Герцену виделась социальная демократическая федерация со столицей в Стамбуле.¹⁸ По мере обострения Восточного вопроса и отношений с Портой после 1851 г. А.И.Герцен все более отчетливо видит (особенно после государственного переворота во Франции), что развитие кризиса идет в направлении столкновения России с Францией, которой война нужна в первую очередь, а также с Англией и лишь вторично втягивается Турция, которую державы делают застрельщиком войны.¹⁹

Подобно Чернышевскому и Добролюбову, Герцен напрочь отметал в своих выступлениях и письмах столь распространенные тогда буржуазной печатью Запада и некоторыми русскими публицистами утверждения об антагонизме русских и турок, о вражде креста и полумесяца. Он доказывал, что конфликт раздираемых противоречиями европейских держав более значителен, чем русско-турецкий конфликт, что

трудоуой лод имеет общего врага - феодальные монархии и общую цель - социальную революцию. Глубже многих современников понимая классовые позиции держав Европы и России, он, в отличие от Чернышевского, резко обличал колониальные планы Англии на Ближнем Востоке. Ошибаясь в оценке революционной ситуации в Европе, и переоценивая силу турецкой реакции, А.И.Герцен вместе с тем умел делать и конкретные выводы в изменившейся ситуации. Призыв к революции он доподнил уже в ходе русско-турецкой войны призывом к русским солдатам "воспользоваться бурей", объединившись со всем трудовым людом, смести царизм.²⁰ В 1854-1855 гг. А.И.Герцен снимает всякие упоминания о Стамбуле как о столице "демократического славянского братства", приходит к убеждению, что установление подлинного мира "праздника народной братовщины" и, естественно, завершение конфликта, в который оказались втянуты народы России, Турции и Европы, возможно, но только с победой социализма. Речь шла об общинном социализме, но идея завершения войны с Турцией и Восточного вопроса революционным путем служила процессу формирования нового общественного подъема в России.

Турецкий вопрос, таким образом, явился не только пробным камнем взглядов многих общественно-политических деятелей России середины XIX в., но и содействовал более определенному выяснению позиций. Россия двинулась навстречу новому революционному подъему. Пробуждалось и общественное сознание в Османской империи. Приближался 1861 г.

-
1. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 22, с. 40.
 2. О турецких памфлетистах см. В.И.Шеремет. Малоизвестные страницы турецкой публицистики. - ПП и ПМКНВ. М., 1984, с. 11-12.
 3. Д.П.Мордовцев. Исторические пропилеи. Т. 2, СПб., 1889, с.385.
 4. Грановский. Восточный вопрос. Киев. 20 октября 1856 г. Рукопись. - ЦГЭИА, ф. ВУА, д. 18302, л. 1.
 5. А.С.Хомяков. Сочинения 4-е изд. Т. 3. М., 1914, с. 182; Ф.И.Тютчев. Полное собрание сочинений. Пгр., 1913, с. 280.
 6. См.: Письма Ф.И.Тютчева. - Старина и новизна, 1905, кн. 19; И.С.Аксаков. Биография Ф.И.Тютчева. М., 1886, с. 240.
 7. См. А.С.Хомяков. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1900, с. 210.
 8. См. указ. письма Ф.И.Тютчева, кн. 19.
 9. U.Pich. M.P.Pogodin und die Slavische Frage. Ein Beitrag zur Geschichte des Panславизм. Stuttgart, 1969, S. 1-3, 12.
 10. См. М.П.Погодин. Историко-политические письма и записки в про-

- должение Крымской войны. Сочинения. Т. 4. М., 1874, с. 93-94, 260, 267, 248-249.
11. Русская старина. Т. 39, 1883, с. 637; П.Н.Ковалева. Славяно-фили и западники. - Исторические записки. Т. 88. М., 1967, с. 191.
12. Б.Н.Чичерин. Восточный вопрос с русской точки зрения. Приложение к запискам кн. С.П.Трубецкого. СПб., 1907; он же. Москва сороковых годов. М., 1929; "Благонамеренный", Лейпциг, 1862, № 12.
13. ЦГИА. ф. ВУА, д. 18302, л. 2об.
14. Там же, л. 4об.
15. Н.Г.Чернышевский. Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. М., 1935, с. 115, 177-179, 182-185 и сл.; он же Полное собрание сочинений, т. 9, с. 188.
19. Н.Г.Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 8, с. 136-138; т. 10, ч. 1, с. 215.
17. Н.А.Добролюбов. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1929, с. 227, 231-233; т. 4, с. 434; т. 5, с. 556, 206.
18. А.И.Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. 5. Пгр., 1919, с. 372-373; 375-378.
19. Там же, т. 8, с. 55-56; т. 12, с. 308, 131-138.
20. Там же, т. 19, с. 201-202.